

Алексей САВЕЛЬЕВ

Алексей Николаевич САВЕЛЬЕВ родился в 1962 году в Архангельске. Окончил филологический факультет ЛГУ по специальности «русский язык как иностранный», а также аспирантуру ЛГПИ им. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент. Автор статей по русской литературе XX века, печатавшихся в Индии и США. В «Севере» выступает впервые.

ТВОРЧЕСТВО ВАСИЛИЯ БЕЛОВА В КРИТИКЕ ЗАПАДА

Русская литература новейшего времени, отражающая жизнь нашего народа, проблемы, встающие перед ним, осмысляющая пройденный Россией исторический путь, привлекает, как это ни покажется странным, все большее внимание на Западе. Этот интерес проявляется не только среди читателей, но и у критиков. Традиция изучения нашей художественной литературы на Западе имеет давние корни, и, естественно, взгляд на творчество русских писателей «со стороны» существенно отличается от того, к которому мы привыкли внутри страны. Различия и точки соприкосновения между проблемами, волнующими писателей у нас и на Западе, представляют собой особый интерес для осознания современной русской литературы в контексте мировой. На сегодняшний день весьма мало изучены и остаются вне поля зрения критики взгляды ученых Запада и на «деревенскую» прозу. А ведь наблюдения над развитием отечественного литературного процесса «со стороны» могут позволить увидеть нашу литературу под новым углом зрения, открыть новые ее черты, более рельефно ощутить сильные ее стороны. К сожалению, российское литературоведение на протяжении многих лет в силу различных обстоятельств не замечало или не обращало внимания на отклики зарубежных критиков (особенно представителей Западной Европы и США, называвшихся тогда «буржуазными») на произведения русских писателей, что в значительной мере обедняло как наши, так и западные труды по истории русской литературы 2-й половины XX века.

Те немногие исследования, которые освещали восприятие художественного творчества современных русских писателей на Западе (см. работы А.Беляева, В.Борщук-ова, А.Овчаренко, К.Шматенко), носили по большей части откровенно тенденциозный характер и к настоящему времени, потеряв свой идеологический накал, оказались как научно, так и морально устаревшими. Безусловно, западная критика также всегда была в значительной мере политизирована и насторожена по отношению к современным русским авторам, зачастую ставя своей целью поиски скорее пропагандистских, нежели эстетических начал в творчестве наших писателей. Вольно или невольно каждый западный ученый судил о русской литературе, исходя из тех положений, которые были результатом многих лет идеологического противостояния. Подчас поставленная во главу угла борьба с эстетикой социалистического реализма в работах западных исследователей подавляла эстетическое восприятие художественного творчества русских писателей, все более и более отдаляя критику от ее литературоведческой основы и увеличивая различия между исследованиями российских и западных ученых.

90-е годы принесли с собой не только взаимодействие цивилизаций России и Запада, почти невозможное в советское время, но и открыли перед общественным мнением страны доступ к суждениям об односторонности европейской системы культурных констант. Именно теперь приобретают особую актуальность слова Н.Я. Берковского, который еще в середине 40-х годов писал,

что «необходима связь того и другого изучения, нам нужно оценить сделанное Западом для русской литературы, нужно ответить западным критикам и историкам, как бы ни были они добросовестны и любовны в отношении к русской литературе, не всюду мы находим у них правильное слово и счастливую угадку, польза дела требует спора, тем более что у Запада существуют мнения, необычайно там живучие и, на наш взгляд, от начала до конца неверные».¹

В предлагаемой вниманию читателя статье мы бы хотели остановиться на рассмотрении творчества яркого представителя «деревенской» прозы Василия Ивановича Белова, тем более что его творчество вызывает, пожалуй, наиболее страстный отклик в работах западных литературоведов. Внимание критиков к этому писателю берет свои истоки еще с того момента, когда А.И. Солженицын в пору, когда каждое его слово воспринималось на Западе как слово оракула, назвал имя Белова в своих очерках литературной жизни «Бодался теленок с дубом». Лишь одно упоминание имени писателя в произведении Солженицына послужило пропуском для советского писателя в западный мир. Однако осмысление творчества и серьезный эстетический, неполитизированный анализ при таком подходе оказывался практически невозможным.

Заслуга представления Белова западной читательской аудитории на самом деле принадлежит англичанину Джеффри Хоскингу. Именно он сделал первые шаги в изучении творчества Белова в англоязычных странах, опубликовав в 1975 году статью «Василий Белов — летописец советской деревни».² В этой работе были систематизированы и сформулированы основные оценки произведений этого русского писателя, взгляд на Белова как на одного из ведущих представителей «деревенской» прозы.

Период перестройки серьезно изменил не только наши взгляды на самих себя, но и взгляды Запада на нас. 80-е годы стали периодом «вторичного открытия» России в западном мире. Этот процесс коснулся и оценок творчества «деревенщиков». В это время «деревенская проза» была прочитана на Западе как целостное литературное направление, имеющее свою философию. Белов был истолкован как писатель, в творче-

стве которого особенно глубоко проникновение в проблемы, связанные с периодом коллективизации, последствиями урбанизации и вторжением НТР в традиционный крестьянский образ жизни. Интересно, что проблемы русской деревни, естественно, не могли быть настолько близки западным исследователям, а посему, в отличие от нашей читательской аудитории, Запад усматривал в «деревенской» прозе направление в литературе, основная задача которого была изнутри подтачивать и разрушать устои царившего тогда в отечественном литературном процессе соцреализма. Так, по мнению американского ученого В. Терраса, произведения В. Белова явно не соответствуют законам соцреализма, поскольку общечеловеческие проблемы и взаимоотношения между героями нарисованы писателем вне их связи с жизнью советского общества в целом. Думается, что подобная рецепция явилась результатом экстраполяции сугубо политических догм 30-х — 50-х годов на следующее десятилетие, обстановку которого, как известно, значительно отличалась от сталинской эпохи. Как замечает критик, несмотря на то, что никаких прямых политических выводов писатель не делает, из произведений Белова становится очевидно, что русский крестьянин обладает собственной системой нравственных ценностей, которая попросту несравнима с официальной идеологией, и что в пренебрежении этой самой системой и кроется непоправимая ошибка. Писатель наглядно демонстрирует в своем творчестве, что легкомысленное отношение к опыту предшествующих поколений, бездумное разрушение старого хозяйственного уклада становится не столь национальной, сколько интернациональной проблемой. Белов-художник занимает, по словам В. Терраса, «современную и лишенную наивности»³ позицию.

О внеациональном представлении русской деревни как «общечеловеческого дома» пишет и Дж. Хоскинг, который отмечает, что, анализируя историю русской деревни в XX веке, писатель делает выводы об общечеловеческой морали и гуманитарной нравственности. Действие почти всех беловских повестей разворачивается в вологодской деревне, однако постепенно оно распространяется не только на всю советскую деревню, но и выходит на определение современного человека как личности в эпоху быстрых социальных изменений. Суммируя свои наблюдения, британский лите-

¹ Берковский Н.Я. Запад и русское своеобразие в литературе. Русский стиль, русская эстетика и оценка их на Западе. //Мир, создаваемый литературой. — М.: Советский писатель, 1989. — С. 311.

² Hosking, G.A. Vasilli Belov — Chronicler of the Soviet Village. //The Russian Review, No. 34 (1975). — P. P. 165—185.

³ Terras, V. Vasily Ivanovich Belov. //Handbook of Russian Literature. Ed. by V. Terras. — New Haven: Yale University Press, 1985. — P. 528.

ратуровед отмечает: «В то время как Белов остается летописцем северной деревни, горизонты его произведений все больше расширяются, захватывая общие проблемы деревенского населения при столкновении его представителей с общечеловеческими дилеммами. Внутренние уроки его произведений состоят в том, что естественная среда обитания человека — его дом («малая родина»), его семья, а созидательный труд понимается в самом широком смысле».⁴ Последнее замечание удивительно верно, ибо именно на этих ценностях, по Белову, живут человеческая совесть и бессмертие. Сам же писатель по поводу ограниченности взгляда писателя на окружающий мир рамками какого-либо одного направления в литературе писал: «Я не думаю, что существует какая-либо особая «деревенская» тема... Есть только общечеловеческие и национальные темы».⁵

В другой своей работе — «По ту сторону социалистического реализма» — Дж. Хоскинг уделяет больше внимания именно типологическим чертам прозы В. Белова как одного из наиболее ярких «деревенщиков». Критик пишет о том, что писатель в своем творчестве запечатлевает увядание крестьянской культуры и деревенского жизненного уклада. Однако, по мнению Дж. Хоскинга, это лишь фон, главное для художника — тот перелом, который произошел в жизни русской деревни, и граничащие с ним проблемы, вызванные изменениями в характере человека, строившего новое общество. Дж. Хоскинг видит в повестях В. Белова плач сердца по русской деревне, разрушенной коллективизацией и войной и разрушаемой дальше урбанизацией.

Немало внимания западные критики уделяют языку прозы В.И. Белова. Как и многие другие писатели, получившие признание во время и сразу после периода «оттепели», Белов в своем творчестве вплотную подходит к проблемам языка и, в частности, языка рассказчика. Писатель стремится рассеять «утомительную бюрократическую патину», которая аккумуляровалась в целом ряде слов и выражений, затупевшая и притупляя их непосредственное значение; кроме того Белов чувствует, что простой оригинальности в употреблении новой лексики или использовании старой в непривычном контексте недостаточно для достижения цели оживления языка. Подтверждение этим выводам можно найти у самого Белова в тексте рассказа «Бобринский угор»:

«Обычно большие понятия ничего не выгрызают от частого употребления слов, выражающих их. И тогда мы либо стыдимся пользоваться такими словами, либо ищем новые, еще не затасканные досужими языками и перьями. Потому что большим понятиям нет дела до нашей словесной возни, они живут без нашего ведома, снова и снова питая смыслом и первоначальным значением слова, выражающие их».⁶

С точки зрения Дж. Хоскинга, творческий метод В. Белова состоит в том, чтобы использовать старые и самые простые слова, осветив их значение имплицитно, соединив их в предложения таким образом, чтобы они оказались естественной речью его героев — крестьян русского Севера. Здесь уместно еще раз привести слова самого писателя, который пишет о том, что «проблема стилистической координации прямой и авторской речи... очень интересна. Для меня она даже в какой-то мере болезненна. Беда в том, что либо герой идет на поводу у автора и начинает говорить авторским языком, либо сам автор идет на поводу у героя и начинает говорить его словами. И получается стилистическая языковая несовместимость. Правда, мне думается, что существует некая тонкая, неуловимо-зыбкая и имеющая право на существование линия соприкосновения авторского языка и языка изображаемого персонажа. Грубое, очень конкретное разделение этих двух категорий так же неприятно, как и полное их слияние».⁷

Специфические черты стиля В. Белова особенно наглядно проявились уже в ранней его повести «Привычное дело». Британский исследователь выделяет пять различных способов ведения повествования в этом произведении: непосредственно авторская речь; речь автора языком персонажа; внутренние монологи и прямая речь; внутренние монологи в прямой речи (иногда практически неотделимые от речи автора языком персонажа); разговорная речь самих персонажей.⁸

Далеко не всегда эти модификации проявляются в чистом виде, зачастую они переплетаются, а переход одного типа повествования в другой никак особо не отмечается. Именно такое наложение и переплетение различных типов повествования придает произведению особую свежесть и, кроме то-

⁶ Белов В.И. Рассказы и повести. — М.: Современник, 1987. — С. 227.

⁷ Белов В. Ответы на вопросы анкеты «Литература и язык». // Вопросы литературы, 1967, 6. — С. 99.

⁸ Hosking, G. Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. — London: Granada Publishing, Paul Elek Ltd., 1980. — P. 168.

⁴ Hosking, G.A. — Указ. соч., с. 184.

⁵ Белов В.И. Земля. Люди. Литература. // Дружба народов, 1970, 10. — С.254.

го, позволяет автору связать образ отдельного персонажа с более общими явлениями и, далее, с самой природой.

Мастерство Белова-стилиста отмечается западными критиками и при анализе другого раннего произведения писателя — его книги «Бухтины вологодские завиральные в шести темах». Здесь Белов использует форму русской народной сказки, которой в некоторой степени присущи примитивный языческий анимализм и скоморошество, для того чтобы увидеть жизнь советской деревни глазами традиционной крестьянской культуры, переложенной в фольклорную форму. Жанровое своеобразие «Бухтин» послужило Дж.Хоскингу поводом для размышлений о соотношении действительности и ее отражения в искусстве. «Бухтины вологодские», несомненно, содержат ядро духовной правды. В то же время, «в жизни существует, — как пишет критик, — различие между реальной правдой в обычном ее понимании и тем, как она обычно представляется в художественной литературе».⁹ Это различие выражается и в замечании самого героя-сказителя Кузьмы Ивановича Барахвостова — находчивого, никогда не унывающего крестьянина из русской народной сказки, обладающего неисчерпаемым запасом замечательных историй и чудесных приключений на любой случай жизни: «Ведь что за народ нынче! Бухтины гнешь — уши развесили. Верят. Начнешь правду сказывать — никто не слушает».¹⁰

В. Белов ощущает необходимость пересмотреть это соотношение между правдой и вымыслом, что приводит его к жанровой форме бухтин, позволяющей в сжатом виде обобщить и показать всю жизнь крестьянина-сказителя. Таким образом писателю удается отразить увиденные глазами персонажа тогда еще 50 лет Советской власти в вологодской деревне. Описываемые Барахвостовым происшествия стилистически напоминают «Сказки для детей изрядного возраста» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Та же сатира на современное писателю общество, та же чувствующаяся в языке произведения смесь иронии, аллегоричности, тщеславия чувств.

Особое внимание британского критика привлекает Пятая тема «Самая темная», повествующая о пребывании Барахвостова «на том свете». Путешествие в потусторонний мир отнюдь не ново в русской литературе даже советского периода. Достаточно вспомнить Теркина и его эпопею. Дж.Хос-

кинг отмечает, что путешествие Кузьмы Ивановича в потусторонний мир используется автором для того, чтобы создать сатирическую картину современного мира. В этом эпизоде свое отражение находит глубокое убеждение писателя, проявляющееся и в других его произведениях, в том, что устранение морально-нравственных барьеров между людьми не может привести к положительному результату. В подтверждение этому тезису можно привести следующий диалог:

« — ...Ни ада, нирая давно нету. Пронзошло слиянье ведомств.

— Неужели теперь все вместе?

— Да.

— Лучше или хуже?

— Смотря с какой стороны рассматривать. Теперь все равны, все грешники в правах восстановлены.

— Грешить, значит, можно?

— Дело ваше. Мы к этому не касаемся».¹¹

По мнению английского литературоведа, «Бухтины вологодские» — наиболее оригинальное произведение В. Белова, поскольку здесь «представлены потрясающее чувство юмора писателя, неиссякаемая его фантазия, народный язык, которым автор владеет в совершенстве и ведет повествование о мире, в котором мы сейчас живем».¹²

Общее стремление писателя к осмыслению сегодняшнего дня русской деревни через призму рассмотрения пройденного ею исторического пути, попытка в иносказательной форме выразить понимание современных проблем также подчеркивается англо-американской критикой 80-х гг. В этом отношении весьма показательны методы анализа, которые используются при анализе 1-й книги романа В. Белова «Кануны» (1972-1976). Эта книга привлекла к себе внимание на Западе сразу после публикации ее журнального варианта («Север», 1972, № 4-5). Для уже знакомых с творчеством писателя литературоведов было очевидно, что в этом произведении В. Белов продолжает и развивает историческую тему, уже поднятую в его ранних работах, особенно в повести «Плотничьи рассказы». Сюжетные переплетения романа тесно связаны, по мнению большинства английских и американских исследователей творчества писателя, с идеями Н.И. Бухарина и так называемой «правой оппозиции» и отражением их в жизни русской деревни в годы перед коллективизацией.

⁹ Hosking, G. Там же. — С. 65.

¹⁰ Белов В.И. Рассказы и повести. — М.: Современник, 1987. — С. 455.

¹¹ Белов В.И. Рассказы и повести. — С. 472.

¹² Hosking, G.A. Vasilii Belov — Chronicler... — P. 181.

Период истории России, к которому относится действие романа, еще в первой половине 80-х годов оценивался отечественной историографией по-иному, нежели сейчас. Изменение политических оценок в конце 80-х гг. сближает отечественную и зарубежную критику во взглядах. Так, Г.А. Белая в статье «Перепутье» отмечает, что в «Канунах» было очевидно намерение писателя исследовать те общечеловеческие ценности, которые были «безрассудно истреблены в пылу апологетики обостряющейся классовой борьбы».¹³

Зарубежные критики, опережая в свое время отечественное литературоведение в идеологическом плане, оказываются далеко позади в восприятии эстетики русской литературы новейшего времени. Там, где они стремятся отойти от идеологизации, быть максимально объективными, сам подход к изучению произведений и следующие за ним выводы оказываются идеологически «зашоренными», политически обусловленными. Обратимся к анализу романа у Дж.Хоскинга: по его оценке, «Кануны» — роман философско-политический. Безусловно, любое произведение искусства невозможно рассматривать вне исторического контекста. «Кануны» В. Белова не более и не менее политичны, нежели, скажем, «Поднятая целина» М. Шолохова или «Мужики и бабы» Б. Можаяева. Однако для серьезных выводов и политических оценок необходим объективный взгляд на все стороны и все детали изучаемого произведения, а британский критик концентрирует свое внимание лишь на образе Игнахи Сопронова, и весь его анализ сводится к противопоставлению этого образа другим персонажам книги. Возведение Игнахи в ранг главного героя позволяет критику увидеть в романе лишь тенденции разрушения русской деревни изнутри. Сюжетная линия «Сопронов — Пачин» в результате предстает как основа конфликта книги.

Отечественное литературоведение, обращая основное внимание на эстетические стороны романа, определяет основной конфликт произведения в сюжетной линии «Лузин — Прозоров»: «Спор двух главных героев Лузина и Прозорова о том, каким путем должна пойти деревня — на развалинах старого создавать все заново (Лузин) или, придерживаясь «духовной узды», держаться стабильности, традиции (Прозоров), — В. Белов решает, опираясь на полное доверие многовековому опыту крестьянина. Он утверждает мысль о неисчерпаемой творческой энергии крестьянства, которое, полу-

чив новые социальные импульсы, способно достигать вершин в экономике и культуре. При этом автор проводит мысль о противоречивости, сложности духовного облика деревни».¹⁴

Дж.Хоскинг в конфликте «Лузин — Прозоров» принимает сторону Прозорова и отца Иринея. Критик отмечает, что в романе «Кануны» В. Белов четко показал, какие уроки должна была бы вынести Россия из пред- и послеколлективизационных лет. Эти уроки, по мнению исследователя, сформулированы в книге более четко, чем в ранних произведениях писателя, и в концентрированном виде звучат в словах деревенского благочинного отца Иринея во время его беседы с Прозоровым. Так, отец Иринея видит основную причину все ближе подступающей разрухи в том, что «большевики отнимают у человека его бессмертие ...без которого жизнь теряет смысл»,¹⁵ тем самым лишая народ веры и направляя его к примитивному язычеству. Для Дж.Хоскинга, христианско-теологические воззрения которого совершенно очевидны, очень важно то, что Отец Иринея предостерегает для всего общества, включая и интеллигенцию, бесплодие и конец вследствие отрицания высшего разума.

Для американского литературоведа Э.Дж.Брауна «Кануны» — жестокая книга, но, «как и во всех других произведениях В. Белова, — замечает он, — в ней доминирует лирическая нота, особенно в мастерских описаниях природы, животных, крестьянской общины».¹⁶

Если Дж.Хоскинг в своих исследованиях проводит параллель между стилями Белова и Чехова, то Э.Дж. Браун усматривает в стилистике современного писателя черты творческой манеры Тургенева. Однако исследователь отмечает, что произведения В. Белова непосредственно или ассоциативно, но всегда связаны с жизнью крестьян, особенно с их нелегким трудом на земле. Тургенев же ведет повествование аристократически чистым, литературно обработанным языком, который часто контрастирует с его образами. У Белова повествователь сам погружен в крестьянскую жизнь, сам является деятельным ее участником и поэтому прекрасно понимает крестьянскую культуру.

¹⁴ Выходцев П.С., ред. История русской советской литературы. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1986. — С. 412–413.

¹⁵ Белов В.И. Кануны. — М.: Современник, 1976. — С. 109.

¹⁶ Brown, E. J. Russian Literature since Revolution. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982. — P. 309.

¹³ Белая Г.А. Перепутье. // Вопросы литературы, 1987. 12. — С.84.

Книга В.И. Белова «Лад» (1981), представляющая собой, по определению автора, очерки по народной эстетике, по-своему продолжает проблематику произведений писателя и является результатом его многолетнего труда. В «Ладе» находят свое отражение нравственно-эстетические основы жизни русской деревни. Источником для написания этой книги послужили собственные воспоминания писателя и его наблюдения, дополненные деревенскими старожилыми и, прежде всего, матерью В. Белова Анфисой Ивановой.¹⁷

В 1985 году вышла рецензия Кэтлин Парте из Корнелльского университета (США) на эту работу В. Белова. Рецензент акцентирует внимание на том, что «Лад» — это попытка эстетического описания быта в деревнях русского Севера. Исследовательница сопоставляет восприятие понятия «быт» в советской литературе — у В.В. Маяковского и у В.И. Белова. Она отмечает, что для Маяковского «быт» был воплощением «кошмарной» формы существования, способной спонтанно разрушить любовь и искусство.¹⁸ Но Белов рассматривает деревенский быт как тот фактор, который делает жизнь в деревне, с одной стороны, возможной, а с другой — приятной. Если у Маяковского быт стоит препятствием на пути движения к прогрессу, постоянно отдаляя будущее, то у Белова именно быт защищает, способствует сохранению тающего на глазах прошлого. По мнению критика, в «Ладе» писатель обнаруживает огромное дарование, рассматривая народную эстетику в абстрактном и конкретном планах, соединяя воедино художественный образ и прообраз. К. Парте замечает, что композиция книги не всегда остается понятной, но она скреплена единым преобладающим над всем чувством — ощущением той радости, которую испытывает человек, в том числе и сам писатель, от жизни в деревне, наиболее проявляющейся в народных песнях, сказках, сопутствующих всему циклу каждодневных полевых работ и традиционных крестьянских праздников.

Восприятие описания жизни деревни в «Ладе» у К. Парте перекликается и со мнением российских литературоведов. Так, А.Ф. Лапченко в своей монографии «Человек и земля в русской социально-философ-

ской прозе 70-х годов» отмечает: «Быт, повседневный уклад... не является только фактольно-событийной основой повествования, его изображение обусловлено идейно-художественными, в первую очередь характеристическими задачами: в национальном, трудовом, исторически сложившемся укладе, сформировавшем народный характер, в прямой и непосредственной форме отражается отношение человека к земле, природе, обществу».¹⁹

К. Парте также останавливается на анализе самого понятия «эстетика» и его восприятия В.И. Беловым. С ее точки зрения, для Белова «народная эстетика» означает проверенную временем систему нравственно-эстетических ценностей, в которой остается достаточно места для самовыражения новых поколений. Белов убедительно доказывает, что кажущееся постороннему глазу косным и застывшим для жителей деревни живо, текущее, разнообразно и обставляется каждым отдельным человеком по своему вкусу. В «Ладе» писатель показывает, что темой его очерков стал не «разлад», а именно «лад». Американская исследовательница подчеркивает, что автор пытается рассмотреть гармоничность деревенской жизни без какой бы то ни было доли наивности или шовинизма, которые присущи другим произведениям «деревенской» прозы. «Лад» Белова внес значительный вклад в понимание системы ценностей и образов северорусских деревень. «В процессе описания гармоничности деревенской жизни и ее красоты писатель сам создал эстетическую ценность «огромного значения».²⁰

Коренная перемена ситуации после 1985 года привела, наряду с большей доступностью литературы в обеих странах, еще и к формированию конкурирующих общественных платформ, границы которых в настоящее время уже не совпадают с официальными государственными идеологиями. Так, то, что К. Парте столь восторженно принимает и относит к достоинствам произведения, Г.А. Белая подвергает критике, усматривая в отходе от первоначальных устремлений «деревенщиков» постепенное сползание «деревенской» прозы к кризису жанра: «В творчестве многих писателей, например, В. Белова, — пишет отечественный литературовед, — произошло снижение историзма до уровня этнографии («Лад»). Этнография постепенно начала замещать со-

¹⁷ Выходцев П.С. Труд — нравственность — искусство. (О книге В. Белова «Лад»). // Русская литература, 1982, 1. — С.33.

¹⁸ Parthe, K. Review: Belov V. Lad. // Slavic & East European Journal, Vol. 29, No.2 (1985). — P. 199.

¹⁹ Лапченко А.Ф. Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов: В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. — С. 130.

²⁰ Parthe, K. Op. cit. — С. 94.

бою вопрос о путях и средствах исторического развития, — тем самым он был просто снят. Будущее стало отождествляться с понятием «прогресс», а слово «прогресс» заметно превращалось в бранное слово. Цикл рассказов «Воспитание по доктору Споку» выдал претензию В. Белова на систему взглядов по историческим и социальным вопросам; но он же, а потом и роман «Всё впереди», обнаружил неосновательность этих претензий».²¹

Западные критики чувствовали стремление писателя к абсолютизации прошлого, однако не смогли этого сформулировать. В этом отношении характерна рецензия Марго К. Франк²² на цикл рассказов В. Белова «Воспитание по доктору Споку». В своей работе критик отмечает, что сборник интересен прежде всего тем, что в этих небольших повестях В. Белов переносит лучшие черты своего стиля на описание городских ситуаций, однако при этом писатель не забывает и деревенскую тему. Ностальгия по утерянным эстетическим ценностям остается и в этом сборнике ведущей темой. Идеи писателя, воплотившиеся на страницах рассказов этого цикла, вливаются в общий поток «деревенской» прозы, перекликаясь с тематикой произведений В.М. Шукшина и В.Г. Распутина.

Характерны и отклики Л. Онишкевич из исследовательского центра при Принстонском университете (США) на драматургию В. Белова. По замечанию критика, первые пьесы писателя «Над светлой водой», «Статья 206» и «Кашей Бессмертной» — «очень дидактичны и слишком моральны».²³ Но их ценность состоит в том, что В. Белов в своей драматургии пытается привлечь внимание к тому, что, с его точки зрения, мешает жить современному человеку, к тем отрицательным сторонам его характера и поступкам, которые оказывают влияние на, к сожалению, слишком широкий круг житейских ситуаций, создавая проблемы там, где мы их менее всего ожидаем. К достоинству Белова-драматурга критик относит то, что писателю удалось избежать счастливых концовок, «столь большого соблазна для такого моралистического жанра»,²⁴ и, тем не менее, показать торжество справедливости.

Явное сопротивление В. Белова грядущему особенно проявилось в его романе «Всё впереди». Можно сказать, что голоса отечественной и англо-американской критики сливаются при анализе этой книги. Как отмечалось в редакционной статье, предположенной дискуссии об этом произведении В. Белова на страницах журнала «Вопросы литературы», «Всё впереди» — роман программный, и его художественные слабости и просчеты порождены, видимо, слабостями и просчетами мировоззренческой программы писателя. «Показательно продуктивное стремление автора выйти на решение сложнейших злободневнейших проблем. Но показательно и то, что для решения этих проблем не годятся упрощенные рецепты...»²⁵

Явную недостаточность, а иногда даже и ущербность прямолинейно-политологических интерпретаций из всех беловских книг более всего показывает, как ни парадоксально это будет звучать на первый взгляд, его этико-публицистический роман «Всё впереди». Трудности и неровности книги кроются в намерении автора разрешить в исторически сиюминутном настоящем, оперируя данностями последних двадцати лет, те проблемы России, ясный взгляд на которые — лишь дело отдаленного будущего, почему рассмотренные только что мнения критики русской и англоязычной не могут претендовать на истину в последней инстанции.

Диапазон отраженных мнений колеблется от признания образов романа «примитивными», а сюжета «статичным» (Е. Крыжановский) до рецензий Ю. Мальцева в традиционной для России манере, находящего там «отлично выписанные русские характеры, очень интересные детали сегодняшнего деревенского быта... боль за страдающую Россию», хотя точкой отсчета служат опять же застывшие штампы 30-50 годов.

Американский критик Ежи Крыжановский подвергает критике сам сюжет произведения, замечая, что образы, созданные В. Беловым в этом романе, примитивны, сюжет статичен. Крыжановский с проницей приводит в своей рецензии издательскую аннотацию, в которой говорится, что «Белов с упорством Сизифа всеобъемлюще и бескомпромиссно исследует все, что касается современной семьи, этой основной ячейки современного общества» (См.: Белов В. Всё впереди. — М.: Советский писатель, 1987. — С. 7). Критик придерживается совершенно противоположной точки зрения, оценивая роман

²¹ Беляя Г.А. Перепутье. //Вопросы литературы, 1987, 12. — С. 94.

²² Frank, M.K. Rev.: Vasilij Belov. Povesti. Moscow, 1982. //World Literature Today, Vol. 57 (1983). — P. 308.

²³ Onyshkevich, L. Rev.: Vasilij Belov. Trip'esy. Moscow. Sovetskii Pisatel'. 1983. //World Literature Today, Vol. 58 (1984). — P. 284-285.

²⁴ Там же, — С. 285.

²⁵ Дискуссия: Обсуждение романа В. Белова «Всё впереди». От редакции. //Вопросы литературы. 1987, 9. — С. 164.

«Все впереди» как явную неудачу писателя и отход от традиций «деревенской» прозы.²⁶

В оценках русского зарубежья творчества В. Белова звучат как эстетические, так и идеологические мотивы. Так, Ю. Мальцев отмечает, что у Василия Белова читатель находит отлично выписанные русские характеры, очень интересные детали сегодняшнего деревенского быта и неподдельную, «непозитивскую» печаль, боль за гибнущую и страдающую Россию, скорбные размышления, «столь несовместимые с советскими идеологическими штампами: добро, которое делают положительные герои, так часто оборачивается для людей самым жестоким злом... сила рождает одну жестокость и неспособна родить добро... Все мы научились так изумительно оправдываться невозможностью рубить лес без щепы...»²⁷ Критик подчеркивает, что именно в творчестве В. Белова в годы, когда советская литература избегала или лишь вскользь касалась проблем, вызванных коллективизацией сельского хозяйства, и тех изменений, которые произошли в жизни русской деревни и крестьянской общины вслед за раскулачиванием, уже явно звучало осуждение поверхностного, упрощенного подхода к этому болезненному и неоднозначному процессу: «...то примитивное деление (на классы. — А.С.) позволяет не думать о сложностях человеческого общества... Убить человека во имя идеи — раз плюнуть... Совесть, честь, сострадание — все летит к чертовой матери, остается одна борьба взаимоуничтожения, оставляющая за собой запустение и страх. Горе такому народу, гибель такой нации!»²⁸

Неоднозначность оценок последнего беловского романа — это признание неоднозначности путей развития всей русской литературы на исходе XX века. Критерии таких оценок пока скрыты за неизвестными нам поворотами истории. Между тем изучение межлитературных (и в данном случае русско-американских) связей предполагает ощущение и осознание известной интеллектуально-эстетической дистанции между традициями духовной жизни двух народов и цивилизаций. В этом случае абсолютно естественной станет определенного рода перемена акцен-

тов, пронизывающая из настоятельной необходимости рассматривать проблемы и реалии русской жизни 70-х годов нашего века, освещенные русской литературой, в координах современной американской традиции.

Особенностью же американских ценностей, относящейся всего более к XX веку, является их достаточно ярко выраженное политическое обрамление. Такой подход оправдывался и самым течением истории Соединенных Штатов, где провозглашенный Франклином и Вашингтоном пафос создания новой нации и новой культуры на основе социального эксперимента с самого начала отождествлялся с новым политическим устройством, соответствующим идеалам французского Просвещения и в корне отличным от европейских монархий. Конфликт морского устава британского королевского флота и чувства справедливости честного и доброго матроса, убившего своего жестокого начальника и казненного по приговору военного суда, ввел открытую уже в наши дни посмертную повесть Германа Мелвилла в число произведений американской классики потому, что виделся автору не столько в нравственном или в правовом, сколько в отвлеченно-политическом плане — насилем над правами человека со стороны бездушной военной дисциплины. В этом качестве «Билли Бадд» — звено в цепи развития американского романа, давшей, в частности, и «Переворот» Дж. Апдайка.

Приоритеты в американской системе ценностей политических ориентаций над философско-этическим истолкованием тех или иных реалий общественной жизни, представленным в литературе США лишь «Уолденом» Г.Д. Торо, но составляющим суть как русской литературы, так и русского литературоведения, вполне позволяют удовлетворительно объяснить и современную ориентацию русистов стран английского языка, занимающихся проблематикой «деревенской прозы», на высказывания А.И. Солженицына.

Предпринятая Кэтлин Парте трактовка очерковой книги Белова «Лад» как попытки обрести опору в нравственных традициях русской деревни представляет в этой связи уже, по сути дела, преодоление сложившегося в американском литературоведении политологического стиля и приближение исследовательницы к философско-этическим интересам русской литературной критики, со времен Белинского, Ап. Григорьева и Страхова выполнявшей высокую нравственную миссию. Чуждым К. Парте, как и Марго К. Франк, оказался при всем том и соблазн всякого орнаментального экзотизма.

²⁶ Kryzhanovskii, J.R. Rev.: Vasilii Belov. Vse vperedi. Moscow. Sovetskii pisatel'. 1987. //World Literature Today, Vol. 62 (1988). — P. 474.

²⁷ Мальцев Ю. Промежуточная литература и критерий подлинности. // Континент, 25 (1980). — С. 287.

²⁸ Там же. — С. 288.